

Щедрый дар души

Category: Edebi makalalar, Kitapsu
написано kitapsu | 23 января, 2025

Щедрый дар души ЩЕДРЫЙ ДАР ДУШИ

Давайте мысленно произнесем: поэт Пушкин, писатель Кербабоев, главный конструктор Королев, писатель Ауэзов. Звучит, не правда ли? Однако, если к названным именам прибавить слово «академик», вряд ли оно пристанет к ним. Но если, имея в виду филологическую науку, мы скажем «академик Гарриев», то каждый без сомнения подтвердит: сло-восочетание это неделимо. Речь идет об академике Баймухаммете Аталыевиче Гарриеве.

Когда я вспоминаю этого образованнейшего человека, ученого с мировым именем, в памяти встает событие сорокатрехлетней давности..

Помню, как сейчас. В начале пятидесятых годов я учился в шестом классе, а первую половину дня мы помогали в колхозе, по мере сил таскали навоз и разбрасывали его по полям, помогали старикам вырубать янтак на залежных землях. А после обеда отправлялись в школу. Теплым осенним днем я сидел и грелся на солнышке, прислонившись спиной к стене старенькой мазанки. О чем-то задумался и не заметил подошедшего ко мне незнакомца.

– Ты, мальчик, местный?

– Да.

– Есть ли в вашем ауле старики?

– Да. Мой отец, дяди. И другие есть. А самый старый у нас Мулки-ага.

– Ты меня знаешь? Слышал когда-нибудь имя – Баймухаммет Гарриев?

– Это вы издали книгу «Сейди»? На которой поэт изображен со щитом и саблей в руках?

– Да. Молодчина, раз ты читал эту книгу.

– Ты, мальчик, скажи своему отцу и другим взрослым, чтобы вечером пришли в дом председателя колхоза. И все остальные старики тоже пусть придут. Скажи, что из Ашгабата приехал Баймухаммет Гарриев. Скажи, что хочет побеседовать со всеми.

Тогда мне и во сне не могло присниться, что после той встречи пройдет семь лет, и я буду слушать его научное выступление, а еще через семь лет мне посчастливится жить в доме известного ученого в Москве, в Перлово, что я буду работать в институте, директором которого он был, что мне придется изучать его работы, книги, статьи!

Жизненный путь Баймухаммета Гаррыева – опубликовавшего произведения всех жанров туркменского народного творчества, предложившего читателям сборники стихов почти всех туркменских поэтов XVIII–XIX веков; первым защитившего кандидатскую, а затем и докторскую диссертации по творчеству Магтымгулы, первым собравшего воедино все образцы знаменитого «Героглы», имевшиеся у народов Востока и Средней Азии и донесшего до научной общественности; подготовившего сотни ученых – филологов, известных в Туркменистане и далеко за его пределами; получившего четыре высших образования, – достоин подражания. Он родился почти восемьдесят лет назад в ашгабатском селе Геокча в грамотной семье. Почти семьдесят лет назад окончил русско-туземную среднюю школу, работал переводчиком и учителем, до начала Великой Отечественной окончил факультет языка, литературы, истории и географии Ашгабатского пединститута и по каждой специальности получил диплом, а в годы войны учился в медицинском институте. Как не гордиться таким человеком! Не зря его называют «туркменским Ломоносовым». Он был педагогом, филологом, переводчиком, историком, медиком, географом, литератором, в известной степени бухгалтером-счетоводом! Чтобы получить такое блестящее образование, нужна определенная среда с детства, терпеливое воспитание. Отец его Аталы и мать Хурджемал были людьми образованными. В те времена депутат Ашгабатского Совета первого созыва Аталы-ага открыл в селе Геокча общеобразовательную школу. Именно оттуда пошло поколение ученых Гаррыевых.

В 1942 году, когда шла война, защитив кандидатскую по теме «Магтымгулы и его патриотизм», в 1948-м – докторскую по теме «Магтымгулы и его художественный язык», став в 1949 году профессором, а в 1951-м – членом-корреспондентом Академии

наук Туркменистана, в 1965-м – академиком, Баймухаммет Гарриев прошел сложный путь и в жизни, и в науке. Вскоре после того, как был избран членом- корреспондентом, он попал в пучину ста-линских репрессий, безвинно объявлен «врагом народа» и «пантюркистом». Вместо благодарности за труды, связанные с подготовкой к публикации эпоса «Горкут-ата», в один из дней пятьдесят второго его арестовали. Гарриеву и его ученым-соратникам М. Косаеву и О. Абдалову вплоть до 1956 года пришлось провести за решеткой.

...В середине пятидесятых мы были студентами Туркменского госуниверситета.

В те годы имя Гарриева было под запретом, пользоваться его книгами, трудами не разрешалось. И вот в один из осенних дней 1957 года нам посчастливилось увидеться с любимым ученым.

Университет, который сейчас носит имя великого Магтымгулы, тогда располагался неподалеку от Сада Кеши, рядом с нынешней гостиницей «Турист». Все тор-жества по обыкновению проходили в единственном зимнем клубе. Так вот, в один из тех дней защищали свои кандидатские диссертации, ставшие впоследствии большими учеными Каюм Джумаев и Оде Абдуллаев. Мы, ученики Оде, были тут же, «болели» за него. На трибуну поднялся энергичный человек с зачесанными налево черными волосами, в рубашке с короткими рукавами.

– Добраться из аэропорта в Кеши оказалось труднее, чем прилететь из Москвы в Ашгабат, – сказал он. Это был Гарриев, приглашенный из Москвы в качестве оппонента. После 1956 года он работал вМоскве сначала научным сотрудником научно-методической станции одного из учреждений здравоохранения Москвы, а затем старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. М. Горького.

Он в совершенстве владел русским. Не заглядывал в лежащий перед ним текст. Сидящие в зале смотрели на него, перешептываясь. Мне показалось, что многие из присутствующих опасаются его. Да и во время перерыва мало кто подходил к нему. Редко кто осмеливался пожать ему руку. Он же всем своим видом напоминал скакуна, первым пришедшего к финишу, смахивая со лба пот, о чем-то с улыбкой рассказывал. Движения его были

быстрыми и решительными. Мы не отрывали от него глаз. Искренне гордились туркменским ученым, который работает в Москве. Мы обменивались мнениями о прочитанных его книгах. Им было написано свыше двухсот работ. Он издал бесчисленное множество дестанов. «Аслы-Керем», «Хуйрлукга-Хемра», «Гул-Бил-бил», «Сейпелмелек-Метхалджемал», «Юсуп-Ахмет», «Алыбег-Балыбег», «Гул-Сенубер», «Женнама», «Мелике-Диларам», «Нежепоглан», «Рай-Чыны»... и многие-многие другие. Из них «Рай-Чыны», «Юсуп-Ахмета» и «Алыбег-Балыбега» я читал мальчишкой в годы войны, а книжки брал в сельской библиотеке. Но и это не все. Один за другим он выпустил сборники стихов Азади, Магтымгулы, Сейди, Шейдайы, Молланепеса, Шабенде, Зелили. Не говорю уже о статьях, посвященных великим туркменским поэтам. Особенно бесценны его работы, посвященные творчеству Магтымгулы.

На изучение Магтымгулы не одному человеку, а целому научному коллективу потребовались бы сотни лет. И поэтому работы одного ученого можно сравнить лишь с каплей в море. Но труды Б. Гаррыева о творчестве поэта особенно ценны и весомы. Начиная со статьи «Новые материалы о Магтымгулы», написанной в апреле 1941 года, и до вступительной статьи к московскому изданию стихов поэта 1983 года, – за сорок лет он высказал сотни мыслей и мнений, посвященных гениальному туркменскому поэту. Правда, сам он не увидел последней статьи, ибо написана она была незадолго до смерти.

Когда речь идет о XVIII–XIX веках, литературный мир этого двухсотлетия невозможно представить без Б. Гаррыева. То же самое можно сказать и о фольклоре. По сей день даже все туркменские ученые не могут опубликовать классические образцы в том объеме, в каком это сделал один Гаррыев. Это был гигант, обладавший неимоверным трудолюбием.

Вся жизнь большого ученого Баймухаммета Гаррыева прошла среди всемирно известных ученых. В их числе А.Н.Самойлович, А.П.Поцелуевский, В.А.Гордлевский, Е.Э.Бертельс, Л.И.Климович, А.Н.Кононов, В.М.Жирмунский, И.С.Брагинский, М.И.Богданова, М.О.Ауэзов. Почти десять лет жизни Гаррыева прошли в Москве, в Институте мировой литературы. А там не каждому ученому выпала честь работать...

Думаю, здесь будет нелишним вспомнить об одном событии. В октябре 1964 года, учась в аспирантуре, я вынужден был много времени проводить в архивах Москвы и Казани. Когда закончился срок моего пребывания в Казани, я вернулся в Москву и в аэропорту увидел бегущего Баймухаммета Аталыевича. Он был в черном плаще и без головного убора. Поскольку мне тоже надо было в Москву, я сел в тот же автобус. Мы оказались рядом. Мне надо было первым представиться, потому что он меня не узнавал.

– Салам алейкум, Баймухаммет Аталыевич!

Он резко повернулся в мою сторону.

– Вaleyкумэссалам. Из Ашгабата? Как там поживают такие-то и такие-то?– начал перечислять он знакомые имена.

– Они все живы и здоровы, но я сейчас еду из Казани. Учусь в аспирантуре, там мне пришлось поработать в архивах, а теперь я должен провести пятнадцать дней в Москве.

– Очень хорошо. Ты мне нужен. В три часа дня встретимся в большом читальном зале Ленинки. Я приду. Ты только жди и обязательно постарайся найти меня.

– Хорошо, Баймухаммет Аталыевич.

– Я сейчас проводил в Ашгабат жену Джерен. А на руках у нее грудной младенец. Дома разбросаны мои книги, вещи. Людей нет, а работы по горло. И с Институтом мировой литературы я пока еще полностью не рассчитался. Ты, наверное, уже знаешь, что меня назначили директором Института литературы в Ашгабате? Пришлось срочно переезжать... Кстати, ты где остановишься? – спросил он. Чувствовалось, что он торопится, говорил быстро-быстро.

– Не знаю. Я впервые в Москве. Наверно, надо будет поискать гостиницу...

– Хорошо. Ты поживешь у меня сколько тебе надо. Только в три часа приходи в библиотеку. А потом пойдем ко мне.

В назначенное время мы встретились в большом зале Государственной библиотеки имени Ленина.

– Если ты записался в библиотеку и получил свой читательский билет, тогда пойдем.

Мы пошли пешком по улице Воровского. Он знакомил меня со всеми учреждениями, которые попадались по пути. На минутку забежал к

себе на службу, после чего мы спустились в метро и отправились на площадь трех вокзалов – Ленинградского, Ярославского и Казанского. Там мы сели на междугородный автобус и вскоре приехали в Перлово. Оказывается, Баймухаммет Аталыевич ездил на работу в Москву из этого подмосковного поселка. Большой дом с просторным двором по улице Кропоткина, 7, принадлежал ему. Во дворе и в самом деле стояли столы, стулья, стеллажи, кипы книг и газет, подготовленные для погрузки. У дома раскинулся яблоневый сад, ветки деревьев сгибались под тяжестью яблок. Именно в том доме мне пришлось жить одному с десятого по двадцать пятое октября. Все три комнаты ученого были заполнены книгами, и у меня была прекрасная возможность для близкого знакомства с ними. Поработав поутру в московских архивах, я возвращался домой и остаток дня проводил среди книг, которые спасали меня от одиночества. До того я ни у кого не видел столь богатой личной библиотеки. В отдельную библиотечку можно было выделить книги, подаренные ученому известнейшими востоковедами всего мира.

Гарриев был не просто выдающимся литературоведом, но и мастером, который перевел лучшие произведения мировой классики. На туркменский – Пушкина, Гоголя, Чехова, а с туркменского на русский – Героглы, Магтымгулы, ДурдыГылыча, Гара Сейтлиева... А отредактированные им научные работы не поддаются никакому подсчету.

Главным делом ученого была подготовка национальных кадров. Перед ним склоняли головы туркменские ученые З.Мухаммедова, Р.Реджепов, Б. Чарыяров, Г.Керими, нукусцы К.Аимбетов, К.Максетов, самаркандец Б.Велихожаев, ереванец А. Жинди, ташкентцы Ж.Кабулниязов, М.Кошчанов, М.Мурадов, М.Сейидов, Н.Моллаев, уфимец М.Киреев, андижанец Х. Раззаков, горноалтаец С.Суразаков, казанец Х.Усманов, десятки, сотни кандидатов и докторов наук из Азербайджана, Башкортостана, Дагестана, Армении, Грузии, Каракалпакии, Казахстана, Алтая, Татарстана, Узбекистана, Таджикистана, Москвы, которым он помогал в научной работе.

Второе направление деятельности Гарриева – научно-педагогическое – состояло в подготовке учебников и составлении

программ для средних и высших учебных заведений. Сорок лет он был основоположником туркменской филологии. Он был поистине ученым милостью Божьей, трудился не покладая рук. Очевидцы рассказывают, что в годы войны Гарриев так много работал, что ночи проводил среди рукописей.

«Друзья и противники были едины, когда приходилось давать оценку особому трудолюбию Баймухаммета Аталыевича Гарриева», – эти слова принадлежат профессору М.Е.Массону.

Гарриев ушел от нас в 1981 году, когда ему не было и семидесяти. Туркменская филология понесла громадный урон. Смерть таких легендарных личностей, как Б.Кербабаев, А.Кекилов, а вскоре и Б.Гарриева, привела к невосполнимым потерям в филологической науке Туркменистана. Может, поэтому мне постоянно помнятся слова одного академика, сказанные на собрании: «У туркмен пока еще не появился такой человек, как Баймухаммет Гарриев, а потому его место до сих пор пустует».

Дурдымухаммет НУРАЛЫЕВ,

доктор филологических наук, заслуженный работник культуры Туркменистана.

»Ашгабат», Номер журнала: № 10, 1993 г. Edebi makalalar